

Наука и здравый смысл:
к трагикомической картине бытия и сознания

Г. В. Лобастов

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет) — МАИ, Москва, Россия

lobastov.g.v@yandex.ru

Форма эссе позволяет автору захватить и вывернуть для внимания читателя те вопросы, которые как будто настолько очевидны, что давно уже вопросами не являются и их смыслы ушли в форму предрассудка. А эти предрассудки, атрибутивно свойственные обыденному сознанию, оказывается, мало чем отличаются и от представлений науки: то и другое не выходит за слой стихийных рассудочных форм. Формы же бытия, даже обыденному сознанию кажущиеся бессмысленно-чудовищными, наука спокойно принимает и даже усердно «изучает и развивает», креативно технологизирует. Расшатывание догматически-предрассудочных представлений, мотивация погружения в основания человеческой жизни — вот задача автора. Вся статья — лишь иронический намек на разумно-серьезные, давно известные мировой науке пути, на которых человек может и способен достичь истинного понимания самого себя.

Ключевые слова: сознание научное и сознание обыденное; экзистенциальный слой бытия; метаморфозы бытия и сознания; самосознание науки и самосознание обыденного сознания; удивление, не доводящее до философии.

Science and Common Sense:
Towards Tragicomic Picture of Social Being and Consciousness

G. V. Lobastov

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

lobastov.g.v@yandex.ru

The form of essay enables author to catch and unscrew for the reader's attention the questions that seem so evident as if they have ceased to be questions and their significances have gone to the form of prejudice. However these prejudices attributively inherent to everyday consciousness turn out to be little or no different from understandings of science: the one and the other stay within layer of elemental intellectual forms. And science placidly accepts and even thoroughly "studies and develops", creatively technologizes forms of existence seeming senseless-and-monstrous even to everyday consciousness. The author's objective is to shatter dogmatically-prejudicial understandings, to give reasons

for immersion in human life basics. The whole paper is but ironic hinting at reasonably serious ways long known to world science, following which man can and is capable of reaching true comprehension of self.

Keywords: academic consciousness and everyday consciousness; existential layer of being; being and consciousness metamorphoses; science's self-awareness and everyday consciousness' self-awareness; amazement not bringing up to philosophy.

Во времена, не столь уж далекие, академик Т. И. Ойзерман писал в «Вопросах философии» о том, как онаучивается обыденное сознание, как в него проникают понятия науки. Что там имелось в виду под научными понятиями, вопрос другой, но исполненный марксистскими представлениями академик-философ, написавший знаменитый труд «Формирование философии марксизма» и получивший за это дело Государственную премию, в перестроечные времена, приняв хавшись к нахлынувшей «мудрости» алкающих лавочников, бежал с полей коммунистических представлений в другие необозримые поля мировоззренческих просторов.

А понятия науки, живаясь в обыденное сознание, порождают удивительные вещи. Порождают таких кентавров, где различить человеческую голову и животное тело становится не под силу даже тому самому научному сознанию. Чего, например, стоят «запредельные» измерения бытия, многомерные пространства, помещенные в обыденное сознание и вывернутые из него представляемым образом многомерной реальности, физические поля, проникшие в примитивные представления о психике человека и т. д.

Такое онаучивание сознания легко оборачивается его мистификацией. Не только в руках мошенников, юродивых и сумасшедших. Но и в умах твердолобых, прочно стоящих на земле обывателей с выверенным прицелом мелкобуржуазного сознания. А там, где «научные понятия» ложатся на почву догматического мышления, примитивность этого мышления получает в образе этих понятий себе авторитетного адвоката.

Конечно, можно было бы сказать, что и обыденное сознание проникает в науку — если бы оно там не было изначально.

Схематизмы этого сознания выстраивают логику мышления ученых мужей, и эта логика активно штурмует проблемы науки. «Мозговой штурм» — всего лишь невинная метода в спектре ее попыток ассимиляции истины. А теорий научного творчества, закованных на примитивных представлениях о «фундаментальных силах» бытия, — не счесть. Наука бродит по полям действительности с не меньшими фантазиями, чем то делает сознание обыденное. Оправдывая любой бред несомненной истиной, что без фантазии не было бы науки. И производит, повторю, эти фантазии на основе логики обыденного сознания. Обыденное же сознание, смиренное в своем самосознании, ибо чувствует узость своего бытия, ниц падает перед священными терминами науки. А бойкие люди из числа «пассионарных» сооружают целые гирлянды их и «делают науку». Философия же, призванная по своему существу преодолевать любой миф, по необходимости сопровождающий обыденное сознание, заглядывающее за пределы быта, — эта философия сама не прочь обосновывать это сознание его собственными «истинами». Эти «истины» столь вездесущи, что проглядывают во всех сферах науки, если эта наука не умеет вычистить себя до «однозначной» строгости своих познавательных средств.

Позитивизм и выступил адептом этих обыденных схем сознания и сегодня, с государственного соизволения, оплодотворяет научное мышление, этими же схемами и исполненное. Получился экстаз. И всем стало хорошо, ибо «свободно» плутать по полям многообразных представлений в мире запутанной действительности — это «кайф непередаваемых ощущений». Бессознательно, в чувстве радости, захватывающих неисчерпаемые просторы Вселенной и глубины человеческих чувств. Ну кто только

не повторяет известную кантовскую мысль, выражающую удивление по поводу «звездного неба надо мной и морального закона во мне»?!

И авторитет Канта — ведь слышали про такого! — позволяет им, обывающим в быту, в науке, в философии, — всем им безапелляционно кидаться терминами, фразами, положениями везде и всяк, как требует того его собственная ситуативная поза. Это тоже одно из следствий «проникновения научных понятий» в обыденное сознание. За-мусорить русский язык англоязычной терминологией не значит обанглизычить его. «Научный мусор» в составе обыденного сознания не делает его глубже и истиннее, хотя и создает впечатление многозначности. А на самом деле лишь увеличивает его логическую фальшь.

Теперь внутри его еще ищут креативность. Это как раз способность сооружать разного рода кентавриков. Которые «официальным» сознанием осмысливаются как инновационный продукт. О логике этого многозначности где-то даже и не думают. Хотя ведь можно было бы в деле налаживания ума использовать древнюю науку логики, созданную еще Аристотелем, чтобы знать, как слова определять через слова и сеткой этих определений упорядочивать чувственный опыт. Поскольку всё во взаимоотношениях науки и здравого смысла погрузилось в слова, житейские и наукообразные. А содержание представлений все равно не выходит за рамки обыденности.

Но и эта наука об уме, «школьная логика» (Кант), в ум не идет, да и вводить ее туда никто не собирается. То ли дело «наука политики», политология, уверенно плавающая по нагромождениям соответствующих «слов и фактов»!

Потому неудивительно слышать, что «красота спасет мир» — уж кто только эту фразу не повторяет! Ибо ни обыденное, ни научное сознание не понимает, что это такое. А в современной постмодернистской эстетике понятия красоты вообще нет, поэтому она сатанистски молчит о спасении мира, тупо и настойчиво «деконструируя»

его. А «красота зла» — она, хотя и приводит сначала в некоторое смущение, зато потом свою «оригинальность» тоже пытается утвердить спасительницей мира. Что ж тут удивительного, если это сознание — ой, далеко не обыденное! — с бычьим упорством и ослиным упрямством отождествляет фашизм и коммунизм, десятилетиями разобрататься не может, что поделаться с наукой истории — как в школе, так и в самой исторической науке. И т. д.

И там, где наука ничего вразумительного сказать не может, — ну вот никак не получается внедриться в мозги обывателя! — политическая сила властной рукой утверждает *внятность* представлений обыденного сознания — хоть в истории, хоть в политологии, да и в самой философии. Вот ведь не получилось умно философию вводить в ум входящих в остепененную науку, заменили ее понятными банальностями позитивистского анализа научного знания. «И увидел бог, что это хорошо»: «философия» стала *ближе к жизни* отчужденного от ума научного работника. Даже некоторое просветление наступило: ведь банальности формально-эмпирического мышления легко укладываются в материал предметного сознания науки.

Точные науки доводят дело до предельно точного выражения любого свойства вещи, до полной его абстракции. Абстракции, фиксирующей предел. И этим пределом приводят научное сознание к определенности и уверенной опоре в своем мыслительном движении. Когда это не получается, прибегают к конвенции (*А. Пуанкаре*), понимая, что это временное соглашение между школами и внутри школ. Такой позиции требует не только научная необходимость, но и практика.

Геометрия, говорят, возникает из практики, из необходимости измерения земельных участков в хозяйственно-экономической деятельности человечества. И как наука она ищет и находит *всеобщие способы определения пространственных характеристик* вещей, — неважно каких. Это ее *собственный* продукт. Выявленные ею всеобщие способы

пространственного определения любой вещи в любом практическом деле *становятся имманентной способностью* человечества и каждого индивида, оказывающегося в необходимости оценить пространственно-количественную характеристику вещи.

Ему даже дела нет, кто, когда и где создавал соответствующие *меры*, давно, еще до всякой школы ставшие для него привычной формой отношения к пространству своего бытия. Способ его пространственного поведения кажется естественно-прирожденным.

Наука, говорит *Маркс*, это *всеобщий труд*. И продукт его является всеобщим, уходящим в состав деятельных способностей человека. Потому, если хотите измерить действительную продуктивность науки, посмотрите, насколько ее мысли (способы движения в соответствующем материале) стали мыслями, способностями всеобщими, утонули в составе человеческой культуры.

Как утонули там великие умы, сделал умнее нас. Мы не знаем, кто первый начертил треугольник, кто вычертил окружность, мы без всяких ссылок пользуемся их продуктивным трудом. Результат науки только тогда результат, когда он обнаруживает свою продуктивность, когда он осуществляет *сдвиги* в способностях людей, т. е. когда принимает всеобще-необходимую форму в составе человеческой действительности.

Но это не дело самой науки. Можно было бы сказать: дело практики. Можно, скажем, полученные знания умно вводить через школу в человеческую субъективность (душу), а можно их прятать, засекречивать, оставлять только в своих господствующих руках, — как было и есть со времен магии до сегодняшнего дня. А сегодня, когда оно, знание, попало на рынок (это всеобщий-то продукт!), возникла необходимость утвердить частную собственность на знания. Это всё, как опять говорят, практика требует.

Но человеческая практика, как легко понять, настолько неопределенная вещь, что ссылаться на нее, как на господ бога, можно в любом случае. Бывает и такая форма практики, которая с готовностью втягивает

в себя всякую пошлость и фальшь, к науке отношения не имеющих. И такая практика любовно упаковывает эту пошлость в *научную* упаковку и тем самым как бы придает ей всеобще-необходимый и даже как будто бы истинный вид. «Грязно-торгашеская практика» создает и фальшивые ценности, и фальшивые их меры. И она малейшего усилия не сделает к тому, чтобы сократить века между найденной наукой истиной и воплощением ее в активную культуру человечества. Вон, говорят, практика показала, что марксизм — полная утопия. Его не вводить в сознание надо, а всячески искоренять!

Пока практическое сознание не видит прямого выхода на прагматическое значение усилий науки, пока эта самая «грязно-торгашеская» практика не увидит за знаниями образ денег, она не только не определяет истину, но и активно не позволяет ее искать. Но как только человечество догадалось, что «знание — сила» (*Ф. Бэкон*), его стали профессионально производить и столь же профессионально превращать в деньги. Не в субъективную силу индивида. Разве только в умствующую болтовню обыденного сознания интеллигентствующей публики.

А если в субъективную способность — то только в той форме, в которой ее, эту способность, можно использовать как товар, — при производстве капитала. И производство соответствующих знаний и их воплощений в товарную форму тоже становится производством всего лишь прагматических условий бытия. Вся сегодняшняя экономика построена по такому кругу. Это круг товарного бытия, в котором и сам человек мыслит себя через товарно-денежную форму.

Вся специализированная научная деятельность человечества в последнем пределе измеряется мерой человеческого развития, интеллектуально-духовного развития каждого индивида. Формой ее, этой науки, *активного присутствия* в содержании моей субъективности.

Казалось бы, не дело самой науки обсуждать, кто потребляет ее продукт, какие ее знания, представления, слова и термины бродят в «поверхностных глубинах» обыденного

сознания. Потребляет, и в какой форме, ее содержание педагогическая деятельность — тоже не мое, ученого, дело. Пусть даже если я понимаю, что педагогике объективно отведена огромная роль в деле превращения знания в силу, снимающую различия обыденного и научного сознания. Превращающая мою, обывателя, способность в универсальную форму отношения к миру, форму, удерживающую истину бытия.

А если этого превращения не случается? А сколько того в мире культуры, что не коснулось меня? А если я сам прикасаться не хочу, если я и без науки живу в здравом уме, в отчетливом сознании того, чего хочу и что имею? Не ведая, что теряю, находя себя в гордой позе своей уникальности в огороженном круге своего бытия.

Но ведь те, мимо которых прохожу я, которые не умирают в мире человеческой культуры, не могут воскресить себя в моем бытии без *моей силы* быть с ними. Плохая педагогика даст лишь номинальное знание и сделает меня *знающим без понятия*. Как легко убить в себе ум человечества, абортировав его еще на школьной скамье! На которой я, конечно, услышу и про Пушкина, и про Гёте, про весь ряд исторических имен, но для моего обывательского обыденного сознания это останется расплывающимся туманом *не моей* жизни. И где в этом процессе останутся тогда те *Декарт* и *Ньютон*, безвестные арифметики и известные алгебраисты, *Рикардо* и *Маркс*, *Спиноза* и *Эйнштейн*? И тысячи других, что своей жизнью в мою жизнь неведомым образом каким-то краем все-таки вошли?

Но обезличивает и исключает меня из мотива быть в мировой культуре, конечно, не школа. Мое сознание определяется бытием, а мой быт и обыденность — только проявления силы этого общественного бытия. Отсюда, а не из науки черпаю я исходные принципы своего бытия в этом мире, черпаю понятия и представления, которые и *вкладываю в термины* онаучивающей меня науки. И если мир продажен, продажными становятся и все формы моего «присутствия» в этом мире.

Тут не только профессиональные способности и научные знания становятся товаром. В силовом поле рынка всё стремится «натянуть на себя» товарную форму. Это примеряет на себя и интеллект (институт интеллектуальной собственности), и совесть (коррупция). Что тело давно простигуруется, давно стало товаром — это даже для детей банальность. И что продажная совесть саму себя победить никак не может, это тоже всем понятно. Ибо буржуазный мир, капиталистические отношения — это «общество всеобщей проституции», и увещевать, чтобы человек сохранял совесть, это уговаривать его разорить свое буржуазное дело. Можно создавать орды легионеров в бронезилетах, с кольтами в кобурах и калашниковыми под мышкой, — этим дело не исправишь. Ибо ракеты и калашниковы легко уживаются с совестью и столь же легко становятся товаром. И всем можно торговать оптом и в розницу. И кроме совести, все они весьма наукоемки. Но совесть стоит дороже.

Поскольку рынок — это отношения мошенников, то вся моя совесть сникает перед жесткой необходимостью выстоять в этой неявной мошеннической возне — с красивой риторикой, исполненной научной терминологии, и «импортными» словами, с адвокатами и системой права, с гранато-метами, с танками и колючей проволокой в большой и маленькой политической игре.

Выстоять в этой борьбе, чтобы не потерять то, что имеешь, и не получить то, что не хочешь. Ведь все правовые регламентации, якобы защищающие меня в этой рыночной ситуации, сами тут же попадают в ситуацию рынка — и натягивают на себя вместе с бронезилетом ту самую товарную форму. И торговля этим товаром не может прекратиться никаким судом, который сам живет в той же товарной общественной форме. Совесть стоит гораздо дороже интеллекта — это без всяких «научно-социологических» исследований знает каждый чиновник. Мир мистичен, читайте *Гоголя*, *Кафку*, *Булгакова*, *Маркеса*... Но чтобы *понять*, каков он, надо читать, конечно, других людей.

Боюсь сказать, *Маркса*. Боюсь, потому что «мистически чувствую», насколько мир «перерос» его в упоении гонки за теми ценностями, грязно-фальшивую природу которых как раз *Маркс* и выявил. Говорят, «Капитал» *Маркса* по распространенности на втором месте — сразу после *Библии*. Ну и что? Свидетельствует это, что мир знает и понимает *Маркса*? Вон семьдесят лет власти, размахивающей знаменем *Маркса*, переполнявшей обыденное и научное сознание фразами из *Маркса*, ни в кого ум *Маркса* не погрузили, а подлецов расплодили. Пала власть — *Маркс* оказался виноват.

Фальшь рыночных потребностей фальшивит души более активно и плотно, нежели наука онаучивает обыденное сознание. В души «обывателя от науки» никакая реклама не вставит *Рафаэля и Декарта*, фальшивая ученая душа обхохочет их, даже если они по номенклатуре и входят в перечень «услуг образовательного рынка». Как с претензией на самомнение обхохочет она и представления обывателя. Не ведая, над чем смеется.

Что сделать, «дьявольская» земная действительность такова, что «божественное развитие личности» ей, этой действительности, кажется делом излишним, она требует прагматизма и от педагогики, и от науки. *А личностное потребление науки* — это ведь не только политикам, но и научным работникам кажется слишком отдаленным и эфемерным делом.

Мир, вон, недавно с прискорбием склонил голову у гроба М. Калашникова, отдавая дань почтения великому изобретателю, сконструировавшему автомат (кто-то сказал: самое великое изобретение XX века), который знают все дети с трехлетнего возраста. Теперь весь мир стреляет из этого автомата друг в друга и нарадоваться не может его простоте и доступности в обращении. Сотни тысяч матерей проливали слезы над гробами своих детей. А бедному генералу из числа тех же мам сочувствуют, что за такую всемирно известную и столь в мире «полезную» вещь он не получает те деньги, которые ему могли бы дать «там». А он скромно возражал и с наивностью удивлялся такой

непатриотичной мысли, мол, не продаю Родину за «бабло». Надо ведь и отечество защищать. Удержать все это одной головой обывателя и не свихнуться — дело не простое.

Простой парень, солдат Великой Отечественной, без великих и восторженных идей, без того самого *Рафаэля и Моцарта, Канта и Эйнштейна*, с простым интересом к банальным конструкциям стрелкового оружия, создает «великую», поразившую умы и поражающую тела вещь. Без всякой науки, тем более фундаментальной. В министерствах обороны, культуры и науки вместе с министерством образования так и чешутся руки искать таких людей, лелеять и награждать их.

А вот другой, столь же известный случай. С изобретением не менее «великим». Но, в противоположность первому, потребовавшим фундаментальных научных знаний: создание водородной бомбы. Создателю тоже рукоплескали и тоже плакали над его гробом. Его бомба пока всерьез не бабахнула, но уже много чего в этом мире успела сделать.

Безвестному изобретателю кирпича не присвоили звание генерала и не наградили множеством наград. Как то было с Калашниковым и Сахаровым. Да и с «баблом», думаю, дела обстояли по нулям. Изобретатель был наверняка дармовой, образовательных услуг не получал и плодами науки не пользовался. А ведь что только ни выстроено из кирпича: дворцы для богатых, бараки для бедных, тюрьмы для преступных, храмы для верующих. Все для народа. Не убивать сделано, хотя зашибить, ясно, и кирпичом можно. От ядерного оружия, правда, надо сказать, рикошетом образовалось множество атомных электростанций, а за танком Отечественной войны потянулись трактора и другие орудия сельского и промышленного хозяйства. Тут-то человек и вынужден втягивать в себя понятия науки, и система образования в этом ему помогает.

Но сознание нутром своим чувствует, что где-то за рамками пространства своего бытования есть науки, не нужные не только

его непосредственному делу, но и любым кирпичам, домостроительным комбинатам и автоматам Калашникова. Но глубоко связанные с мировым «мордобоем». Оттого оно и в пессимизм впадает. Но гордится Сахаровым и Королевым, ощущая в себе неказенное чувство патриотизма.

Когда стало понятно, что США своим запасом ядерных бомб могут 16 раз уничтожить земной шар, а СССР — только девять, кто-то спохватился и предложил сократить этот запас и уравнять его до одноразового уничтожения. Чтобы взаимопреканий не было. А где-то в 60-е годы в общественное сознание была запущена идея нейтронной бомбы, которая якобы уничтожает все живое, не разрушая города и села, заводы и технику. Тут тоже мнения разделились. Кто-то в этом увидел изуверство, полное отсутствие гуманности, живодерство и страшный ад. Другие сказали, что это оптимально-разумная идея ведения войны. Послевоенной Германии не пришлось бы восстанавливать Дрезден. Живой люд, включая и организованную военную силу, гибнет, но сохраняются города. Сохраняется историческая материальная культура, иконы, церкви, бомбоубежища, готические соборы и древнерусские сараи. Сохраняются заводы — и не только те, которые производят бомбы. А люди — что? — они ведь плодятся почти без всяких усилий — по государственным проектам и без. И даже иногда без всякого материнского капитала. Да и семейно-квартирного мордобоя, по причине сохранности жилищного фонда, не будет.

Кого-то это очень возмутило. Возмущенные тыкали носом в химическое и биологическое оружие. Что-то тут, думали умные гуманисты, с прицелом не то: целиться-то надо в чужих, а тут с этой бомбой, напшигованной вирусами, всегда бумерангом попадаешь в себя. И снова побежали к Калашникову. Из его автомата стреляй себе, дома ведь тоже, как и нейтронной бомбой, не порушишь. Вон восставшему пролетариату, чтобы не разрушить здание Зимнего дворца, пришлось холостыми с «Авроры» бабахать. Не была тогда фундаментальная

наука развита настолько, чтобы точно попадать в оконные проемы — как это продемонстрировала, невзирая на дедовщину, высокоподготовленная Российская армия в 1993 году, учинив пальбу по российскому Белому дому.

А теперь из этого сохраненного и сохранившегося Дома без всякой пушки, без автомата и даже без бомбы уверенно и прицельно бьют во все стороны — и по науке, и по обыденному сознанию. И без всякого кровопролития. Человеков ведь убивать можно и без автоматов Калашникова. И не обязательно с помощью кирпича. И даже с полным сохранением его тела. Переплюнув нейтронную бомбу. Бабахнули глупостью по голове — и души человеческой как не бывало. А тело есть, сохранилось. И нужды нет ни в какой науке, ни в прикладной, ни в фундаментальной. А эффект ведь лучше всяческих бомб и автоматов. Тут много ума не надо — не только фундаментального, но и самого обычного. Достаточно той самой околонучной глупости, чтобы задать требуемую установку соответствующему министерству. И пошли-поехали по всей России размножаться манкурты! Цепной реакцией безумья.

А вот чтобы не убить, а сохранить и по-человечески оформить душу — это не атомную бомбу с автоматом сконструировать. Тут не помогут никакие исследования недр Вселенной в ее макро- и микромасштабах. Познание атома, говорил великий А. Эйнштейн, это детская игра по сравнению с познанием детской игры. Постичь человека и понять, почему он охоч до «игр в войну», никакая сколь угодно фундаментальная естественная наука, увы, не может. При всем ее снобизме, заквашенном на якобы продуктивных результатах ее деятельности. Калашников-то своей продуктивностью утер этой науке нос! Даже Сколково ей тут не поможет. Из этого «черного ящика», слава богу, если выйдет некая очередная экзотическая «нанобомба». Человеку-то что тут от этого, кроме слез над гробами. Такая продуктивность — как шаг к давно обещанному концу

света. А Калашников — на тебе! — прямо в прифронтовом госпитале, без Сорбонны и Сколково, без Академии наук, без всяких государственных вложений в его, Калашникова, развитие способностей, «знаний, умений и навыков», взял да и соорудил конструкцию, поразившую (и в прямом смысле поражающую) весь мир!

Вот бы что науке постичь! Вот бы разобратся в этой способности! Ведь она, небось, эта творяще-конструирующая способность, а не какие-то электроны с нейтронами, черные дыры и закадровые восьмые измерения по ту сторону наноуровня лежит в фундаменте всех человеческих действий...

Огюст Конт, француз, видя, что человеческие попытки проникнуть в тайну человека с его страстью к войнам, играм, деньгам и прочим исторически меняющимся «ценностям» и аксиологическим изысканиям человечества, — видя, что все это мало что дает, не полез с предложениями совершенствовать организацию науки и выстраивать новую педагогику, чтобы по-новому заквазить человеческие мозги, а решил перестроить самую науку о человеке. Хватит, сказал он, болтать, пора человека исследовать так же, как физика исследует свою физическую предметность. И создал науку «социальной физики». Из этого получилась современная социология, благодаря которой сегодня упорядочивается в умах любопытно созерцающих и научное, и обыденное сознание. Тут все, что поддается обсчету и чему можно придать наукообразие: слова, представления, запросы, удивления, крики и эмоции, ум и глупость и прочая-прочая, что имеет место быть в человеческом мире, — все вам эта наука выразит в завораживающих цифрах, таблицах и графиках. Всякие «вибрации бытия» можно считать и подсчитывать, искать средние значения, обобщать и делать выводы.

Но не получилось, однако, у этой науки понять человека, к человеку она подошла как к физическому объекту, только способному к произвольным действиям. Она разработала методики расчленения этих человеческих действий на элементарные

составляющие, использовала великие фундаментальные достижения авторитетной математики и вывела формулы получения среднестатистических поведенческих актов человеческого индивида в полужестком социальном пространстве и стала строить прогнозы его дальнейших действий. Перед Нострадамусом это, разумеется, ничто, но эта смиренная и отстраненная от человека наука о человеке — ужас как объективная! — умирляет любое некритично-обыденное сознание статистикой доводов. Глубоким умом тут не пахло, но очень близка к сердцу оказалась эта наука всем «технарям» и естественникам. Потому и гонору у них стало еще больше. Показалось, что легко можно «просчитать» человека, создать модели его поведения и даже соорудить «искусственный интеллект». Некоторые даже меру веса применяли для определения величины человеческой души. Попы на этот счет посмеивались. И откровенно хохотали, когда космонавты не обнаружили на небе ничего похожего на бога. Утирали нос науке со всеми ее фундаментальностями. Околонаучные круги в «тонких» материях стали искать основания души и вызывать астронавтов на откровения. Те упирались, слухи множились, Академия наук создала комитет по борьбе с антинаукой.

Отчаявшись, наука сказала: дайте народу информацию, а ум у каждого есть. Пусть копается, ищет, выбирает — в этом его свобода. А общая установка — модернизации и инновации. Туда, где польза. То есть деньги.

И вот Интернет опрокинул в сознание, обыденное и научное, массивы информации — и возникли новые задачи: ограничивать и не допускать. А то в науку лезут «матовые» слова, и детишек от компьютера не оторвать. Стали считать, кому что усесть и от чего что отнимать, ибо политики и культурно образованная интеллигенция арифметику в школе изучали.

И что тут делать министерству образования с задачей перевести истины науки на язык детской души? В психологии оно, это министерство, явно дальше «собаки

Павлова» не пошло. Да и у великого физиолога с его фундаментальными идеями и разработками в сфере физиологии нервных процессов у самого были проблемы с пониманием души, он якобы и в церковь похаживал. И министерство, чувствуя, что сладить с подрастающими поколениями с помощью науки не получается, обнялось с попами и стало создавать в вузах кафедры теологии. Это как бы в противовес формам обучения, превращающим человека в обезьяну. Как бы с заботой о духовности человека. И чтобы показать, что религия смотрит глубже и основательнее, нежели физика, космология, биология и прочая социология. И смотрит якобы прямо в фундаментальные основания человеческого бытия. И ей, религии, не надо оправдывать себя в сооружении чудищ типа автомата Калашникова и ядерной бомбы, как оправдывают себя скромные, этически воспитанные ученые. Мол, выбор остается за теми, кто делает погоду и заказывает музыку.

Но те, кто делает погоду, понимают, что люди не боги и от них, оказывается, надо прятать спички. А религия, апеллируя к Богу, но не будучи способной противостоять этому нашествию производимых цивилизацией чудищ, просто объявляет это все дьявольским началом, земным, переходящим, неистинным бытием и отправляет своих попов в армию — то ли оправдывать ее действия, то ли кадить над гробами. И молит всех молиться на небо. Победить дьявольщину она не может, а в науке, даже фундаментальной, она как бы справедливо резона никакого не видит. Н. А. Бердяев, которого любит почитать сегодняшняя интеллигенция, активно ассимилирующая обыденные представления из сферы мистики, прямо и говорит, что все это тщета и никакого прогресса цивилизация не дает. Машина лишь разрушает человека. Любая машина, совсем не обязательно специально-разрушительная. Поэтому Калашникова и Сахарова морально-то и упрекать не в чем. Вон как легко француз Жозеф Гильотен, врач и вообще добрый человек, морально оправдал свое предложение рубить головы

падающим топором! Легче тому, кто на плахе, и без душевных дерганий палача. И масштабы другие. И научных знаний много не потребовалось.

И гильотина сделала свое историческое дело. И тоже без всякой науки. И сахаровская водородная бомба в свое время сдержала пыл «ненавистного американца» — хорошее, человеческое, дело. Хотя и наукоемкое. Но и прогресса это принесло не много. А может, даже и совсем наоборот. Может, прав Николай Бердяев: этот человек в своей сути остается по своей природе все тем же, чем был и чем есть. Ищешь в нем бога, а находишь дьявола. Ухватит что-нибудь от науки и тут же превратит во зло. А столкнется со злом — и слезу пустит, вон и Достоевский плакал над слезинкой ребенка. Чем потряс весь мир. А человек сорвется в стресс и к богу побежит: чувствует, что в основании человека лежит нечто более фундаментальное, нежели то, что находит фундаментальная наука физики, математики, космологии. Потому даже ученые люди въедливо лезут в религию. Без понимания, очертя голову крестом.

Но без понятия, хорошо понятно, в земной жизни ничего сделать нельзя. Ведь надо понимать, что, из чего и как. Слепцы любым, счетным или несчетным, количеством обязательно упадут в яму. Сегодня такие ямы любят называть кризисом. А в рекомендациях от религии смирения, терпения, любви и справедливости, — в этом есть что-то от улыбчивого ехидства Гейне: «Честность — прекрасная вещь, если кругом все честные, а я один среди них жулик».

Может, прав Бердяев, стройте хоть какие машины, они умнее, добрее и красивее вас не сделают, а лишь окончательно загубят. И не только тем, что поработят человека, обреченного их обслуживать и облизывать. А тем, что технически упрятым объемом физических сил не только народы и государства уничтожить можно, а и всю планету разрушить. Не ожидая, когда примчится пугающая обывателя зловердная комета. Образ-то этой кометы, он от науки, но направлен-то все в ту же точку, куда метит

и кара божья. А автомат Калашникова — безобидная штука, любым рукам послушная, даже детей не пугает.

Пугает дядя с автоматом, как Музыка прокурора. Но дядя ведь не комета, не астероид и не бог. Его можно как-то обозвать, политическим ярлыком разукрасить и в клетке на площадь выкатить. Чтобы либо камнями закидали, то ли в героя превратили. Но дядя-то с автоматом — не космическая и не всеобщее-человеческая катастрофа. Он убивает только тех, кого будто бы хочет, хотя и совсем не обязательно, кого надо. Вон царя-то Николая даже не из автомата, из револьвера убили. Тоже из прицельного оружия. Целенаправленно. Тогда говорили, что надо, а теперь говорят — не надо было. И в святые записали. Мученик за дела человеческие. Как Христос. И кости стали искать. Чтобы святые мощи целовать можно было. А ведь кто-то называл его Кровавым.

Ну, если не физика и математика, то какая же наука способна изучить и внятно объяснить, т. е. войти в обыденное сознание, суть тех фундаментальных оснований, которые лежат за человеческим бытием, которые это бытие втягивает в себя? Которые могли бы объяснить и человеческие войны, и человеческую жадность, и зло и добро, и мир человеческого искусства и т. д. Включая и мир науки, и обыденное сознание. И мир обыденного бытия.

Такую науку, конечно же, человечество не могло не выдумать. Но ни науке, ни обыденному сознанию почему-то не очень понятно, какая от такой науки польза. Вон, говорят одни, придумало человечество философию, и посмотрите, что получилось с этим человечеством. Полмира марксизмом изуродовали. И в бытии, и в сознании. Но нашлись ведь и другие, несговорчивые, начали возражать, не марксизм-де, а люди тут виноваты. Это, мол, как обезьяну посадить за рояль, симфонии-то не получится. Она, эта обезьяна, даже с очками сладить не может. Нет, говорят первые, факт есть факт. Коммунизм строили, да не построили — чушь, значит, ваша фундаментальная наука философии, утопия это, бред. Потому

и изучать ее не к чему. Вон даже от полезной математики дети плачут, а кому нужна эта заумь? То ли дело «социальная физика», умноженная на «павловскую собаку». Этот самый Огюст Конт, говорят, попросил однажды Гегеля изложить ему его науку логики в доступной для его, Конта, ума форме и по-французски. Эта милая просьба ученого-француза очень похожа на желание преобразовать высшую математику так, чтобы она была понятна домохозяйкам. Гегель Конту ехидно отказал, а вот революционная Россия даже без всякой просьбы изложила марксизм для всех форм обыденного сознания. А диссидентская интеллигенция, не знакомая с азами «школьной логики», тут же уподобила это научному коммунизму.

Но ведь и в самом деле, к чему домохозяйке всякая «математическая дребедень», и Маркс, и логика Гегеля? Ведь все это так далеко от сути обыденного бытия, сплошняком только формулы да «научные» слова! Но не все в мире равно, прибавляет в уме один к одному мелкий лавочник: от математики хоть стиральная машина в доме, а от, скажем, «пресловутой марксистской» обработки обыденного сознания — только слезы загнанных в голод народов. Обыватель и без наук знает, что он умный, и знает, что никакая — ни математическая, ни логическая — заумь ему не нужна. Да и кому надо, чтобы домохозяйка перестала быть *только* домохозяйкой и вошла в мир свободно мыслящим и свободно творящим человеком? Подняв в свое сознание фундаментальные основания человеческого бытия? Чтобы от тягот своей униженной судьбы без ума не лезла в Бога?

У *Брежнев* Галилей говорит: «...Наука может стать калеккой и ваши новые машины принесут только новые тяготы. Со временем вам, вероятно, удастся открыть все, что может быть открыто, но ваше продвижение в науке будет лишь удалением от человечества. И пропасть между вами и человечеством может оказаться настолько огромной, что в один прекрасный день ваш торжествующий клич о новом открытии будет встречен всеобщим воплем ужаса». Но и для

ученых-изобретателей такой разрыв грозит разрушением творческих сил, превращает их в «породу изобретательных карликов, которых будут нанимать, чтобы они служили любым целям» [1, с. 777].

А вот как лаконично и откровенно-точно подается в рекламе один из современных фильмов: «Банда грабит бизнесменов, зарабатывающих при помощи криминала. Офицер полиции внедряется в группу, чтобы арестовать преступников, а самому скрыться с деньгами». Можно было бы сказать, что жизнь многолика и иррациональна, как утверждают многие от той же самой «фундаментальной» философии. Но человек-то все равно, если он еще не сошел с ума, каким-то образом синтезирует в себе целостность. И, может быть, мучается, если еще не повесился, ее разорванностью. Вон сколько мук душевно-человеческих вывернул нашему глазу *Достоевский!* Исключить себя из этой неприятной мучительной «ситуации души» человеку помогает уход в пещеру, в наркотик, в петлю, в Бога и т. д. Реальность таких движений указывает на индивидуализированный трагизм *бытия*. Потому он, этот трагизм, живет и в *сознании* — во всех его формах: в философии, в искусстве, морали и религии. И никакими словечками из «умных наук» его не устранишь, а с помощью его всякую мистику втянуть в себя очень даже легко и просто. И никакой комитет

по борьбе с мистикой и паранаукой не поможет. Ибо сама жизнь попахивает мистикой, и чтобы понять ее «иррационализм», требуется понимающая способность, а не научные представления в обыденном сознании или здравый смысл научных представлений.

Литература

1. *Брехт Б.* Стихотворения. Рассказы. Пьесы: Пер. с нем. М.: Худож. лит., 1972. 815 с., 13 л. ил. (Б-ка всемирной литературы).

Поступила 31.10.2018

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии Московского авиационного института (национальный исследовательский университет) — МАИ (Россия, 125993, Москва, Волоколамское ш., 4), lobastov.g.v@yandex.ru

References

1. Brecht B. (Brecht B.) Stikhotvoreniya. Rasskazy. P'esy (Poetry. Stories. Theater), Per. s nem., M., Khudozh. lit., 1972, 815 p., 13 l. il., B-ka vsemirnoi literatury.

Submitted 31.10.2018

Lobastov Gennadiy V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor; professor of Philosophy Department, Moscow Aviation Institute (National Research University) — MAI (4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russia), lobastov.g.v@yandex.ru